Станция "Северная"

Ольга Старовойтова

Ольга Старовойтова

Станция "СЕВЕРНАЯ"

«Автор»
2026

Старовойтова О.

Станция "СЕВЕРНАЯ" / О. Старовойтова — «Автор», 2026

Ольга Белова, молодой врач из Санкт-Петербурга, отправляется на свою первую антарктическую зимовку. Она едет не за романтикой и не за подвигами — ей нужно доказать себе, что она справится. Когда мощный шторм обрушивается на станцию и выводит из строя генератор, температура внутри помещения приближается к критической, а помощи ждать неоткуда - именно тогда проявляется настоящая сущность людей. Все ли переживут этот шторм и все ли смогут остаться людьми? Станция "Северная" это тёплая, живая история о людях, которые нашли друг друга в самом холодном месте на Земле. О дружбе и любви, о праве быть собой. И о том, что иногда ради семьи нужно отдать последнее. Для тех, кто любит книги о сильных людях, настоящей дружбе и суровой красоте Антарктиды.

© Старовойтова О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 14
Глава 5 16
Глава 6 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Ольга Старовойтова
Станция "СЕВЕРНАЯ"

Глава 1

Мне не коснуться спящих этих вод,
Где синий кит вздыхает в толще льда.
Там мой корабль никогда не проплывет,
Но Антарктида снится мне всегда.

Там император, строгий часовой,
Ведёт пингвинов к черному окну.
Они стоят над самою волной,
В немом строю встречая тишину.

А ночью айсберг — призрачный колосс —
Скрежещет гранью о небесный свод.
Он столько снов сквозь вечность мне принес,
Но их тепло надолго не спасет.

Рассвет сотрет твой первозданный лик.
Проснусь. В окне лишь мокрый Петербург.
И только сердце вдруг замрет на миг
Услышав, как зовет полярный круг.
Старовойтова О.А.

Ольга стояла у окна и смотрела, как ливень затапливает любимый город. На дорогах уже были глубокие лужи, и машины буквально плыли в них, с натугой разворачиваясь на перекрёстке. Она перевела взгляд на карту Антарктиды, висевшую над её столом, — большую, потрёпанную по углам, с синими стрелками течений и карандашными пометками двадцатилетней давности. Эту карту она купила в четырнадцать лет в букинистическом на Литейном и с тех пор не расставалась. Мать тогда смеялась: «Ты хоть раз видела, чтоб девка в твоём возрасте Антарктидой бредила?» Ольга не отвечала. Она уже в четырнадцать знала: бредить можно, а вот попасть — нет.

В институте она работала десять лет. Сначала медсестрой в поликлиническом крыле, потом врачом общей практики. Каждые полгода проходила медкомиссию, держала полярный допуск, но знала: зимовка не для неё. Женщин на зимовку не брали. Это было также заведено, как белые ночи в июне или вечная слякоть в феврале. Ольга смирилась: провожала группы, вела журналы, подшивала отчёты. В её личном деле значилось: «К экспедиционной работе готова». На деле это означало: готова сидеть в кабинете, пока другие улетают.

Завтра улетала очередная группа, девять человек. Станция «Северная», самая дальняя точка, полгода автономки. Ольга знала всех пофамильно, с врачом Ивановым вместе проходила последнюю комиссию. Иванов был надёжный, сорок четыре года, трое детей. У него на столе стояла рамка с фотографией жены.

Дверь кабинета открылась без стука. На пороге стоял Семён Петрович, начальник отдела кадров, — влажный лоб, мятый воротник, лицо человека, который за последний час перебрал все варианты и не нашёл ни одного.

— Иванов заболел, — сказал он сходу, опускаясь на стул. — Ангина, температура под сорок. Какой там полёт?!

Внутри у Ольги что-то дёрнулось — коротко и остро, как будто сердце пропустило такт, но лицо осталось ровным. Она положила ручку на стол.

— Замена?

— Так нет замены! Свободных врачей с полярным допуском нет! Завтра последний день, ты же знаешь. Через четверо суток начинается арктическая зима, потом всё, станция закрыта на полгода. Спонсор денег дал, тридцать миллионов и ждать точно не будет.

Семён Петрович стянул очки, протёр их о рукав и посмотрел на Ольгу.

— Так что расформирование…

Ольга поднялась. Подошла к карте, коснулась пальцем белого пятна, на котором значилось «ст. Северная», и обернулась.

— Я полечу.

Семён Петрович моргнул.

— Оль, ну какая Антарктида? Там мужики, восемь человек. Ты хоть понимаешь, что такое минус семьдесят и полярная ночь?

— Я врач. Опыт у меня десять лет. Допуск действующий. Отдельная каморка в медотсеке у меня будет — уж не смущу я ваших мужиков!

Начальник кадров смотрел на неё долго. За окном снова загудел троллейбус. На карте синие стрелки течений огибали ледяной материк.

— Я позвоню Валерию Григорьевичу, — сказал он, наконец, и вышел.

Ольга осталась стоять у карты. В коридоре затихли шаги. Она смотрела в белую точку на синем фоне и впервые за десять лет не могла заставить себя сесть обратно за стол.

Через час её вызвали к директору.

Валерий Григорьевич Малышев сидел в кабинете с дубовым столом и большим глобусом в углу. На столе лежала папка с личным делом Ольги. Семён Петрович стоял у окна и барабанил пальцами по подоконнику. Директор поднял глаза от бумаг — лицо его было усталым, под глазами набрякли мешки, но взгляд оставался цепким и трезвым.

— Садитесь, Ольга Викторовна. Вашу кандидатуру рассмотрели. Допуск действующий, практика подтверждена. Семён Петрович доложил.

Он замолчал, перевернул страницу, пробежал глазами по строчкам. Ольга сидела прямо, положив руки на колени, и ждала.

— Вы понимаете, что это восемь мужчин на замкнутой территории в течение полугода? Что единственная женщина в коллективе — это дополнительный фактор напряжения, за который я головой отвечаю перед спонсорами?

— Понимаю. Но я врач, Валерий Григорьевич. Я не за развлечениями туда лечу.

Директор хмыкнул.

— Медицинский отсек с отдельным спальным местом — ваш. Вопросы дисциплины решаете с начальником группы, это Игорь Валентинович Данилов, биолог. Он старший по званию. Вы идёте как равноправный член команды, с полной нагрузкой. Слабины вам никто не даст.

Он закрыл папку и подвинул её через стол.

—Завтра вылет в десять утра, но перед этим инструктаж в конференц-зале. Соберётесь?

Ольга взяла папку и поднялась.

— Соберусь.

Домой она ехала на автобусе и смотрела, как город медленно проплывает за запотевшим окном. Петербург казался чужим — мокрые крыши, люди, идущие под зонтами, светофоры, расплывающиеся в каплях июньского дождя. Она открыла телефон и набрала номер матери.

— Алло, мам. Завтра на пол года лечу на зимовку в Антарктиду, вместо заболевшего врача.

Трубка молчала секунд десять. Потом раздался вздох — долгий, надсадный, будто воздух выходил из проколотой шины.

— Оля, господи! Ты с ума сошла? Там же холод, одни мужики, еще и так далеко! Кто тебя туда вообще отпускает?

— Институт отпускает. Мам, я готовилась к этому. Я врач. Я справлюсь!

— Береги себя! — сказала мать после паузы. — Ты всегда этого хотела. И хоть фотографии присылай!

Ольга пообещала и набрала сестру. Та отреагировала иначе — засмеялась, назвала её ненормальной и велела привезти пингвина. Ольга улыбнулась в трубку. Потом звонок оборвался — автобус нырнул под мост, и связь пропала.

Дома она раскрыла старый чемодан. Укладывала вещи методично: термобельё в два слоя, шерстяные носки, свитер норвежской вязки, медицинские справочники, фонендоскоп, флакон с любимыми духами — грейпфрут и морская соль. На дно положила фотографию родительского дома в Тихвине, летний снимок: покосившийся забор, куст жёлтых роз и мать, сидящая на крыльце с кошкой на коленях.

В дверь позвонили. Соседка, пожилая Нина Андреевна, принесла банку малинового варенья — узнала от матери и решила, что в Антарктиде без варенья нельзя. Ольга поблагодарила, убрала банку в боковой карман чемодана и застегнула молнию.

Ночью она почти не спала. Лежала на спине и слушала, как за окном шумит непрекращающийся дождь. Вспоминала первую книгу про Антарктику, которую прочитала в детстве, — потрёпанный томик с фотографиями ледников и айсбергов, которые казались ей тогда белыми замками на краю света. Теперь она летела туда сама.

В семь утра за ней заехала служебная машина.

Институт встретил её ярким светом в коридорах и гулким топотом ботинок. Группа собиралась в конференц-зале — восемь мужчин, у каждого свой баул, ящик с оборудованием, рюкзак. Ольга вошла и остановилась на пороге.

— О, а это у нас кто? — громогласно осведомился Сергей Павлович Логунов, поворачиваясь от окна. — Никак пополнение? Девушка, вы не ошиблись дверью? Здесь полярная экспедиция, а не курсы кройки и шитья.

Ольга поставила чемодан и спокойно встретила его взгляд.

— Не ошиблась. Я врач общей практики, Ольга Викторовна. Заменяю Иванова.

— Врач? — Логунов обвёл глазами остальных и развёл руками. — Ну, мужики, теперь у нас будет, кому борщи варить и рубашки гладить. Я лично только за.

По залу пробежал смех — не злой, скорее удивлённый. Иван Круглов, гляциолог, хлопнул Логунова по плечу и сказал, что за такие слова можно и без борща остаться. Игорь Данилов, старший группы, подошёл к Ольге первым — представился, пожал руку, сказал, что рад врачу, у которого допуск без нареканий.

И только один человек не засмеялся. Анатолий Ремезов стоял у стены, скрестив руки на груди, и смотрел на Ольгу тяжело и долго.

— Женщина на зимовке, — произнёс он негромко. — Глупость. Там не курорт.

Ольга встретила его взгляд.

— А я и не на курорт лечу, — ответила она.

Ремезов ничего не сказал, отвернулся к окну и больше не произнёс ни слова до самого конца инструктажа.

Инструктаж длился сорок минут. Валерий Григорьевич зачитывал протокол, метеосводку, порядок связи. Потом разошлись переодеваться, получать снаряжение, грузить оборудование в машину. Ольга надела полярный костюм в общей раздевалке, за шторкой, пока

мужчины переговаривались через стенку. Сапоги оказались тяжелее, чем она ожидала, но сели хорошо. В груди нарастало чувство, которое она не могла определить, — смесь ужаса и восторга, как в детстве, когда впервые залезла на крышу сарая и увидела поле до горизонта.

Когда служебный автобус выехал на КАД и повернул к аэропорту, снова начал накрапывать мелкий дождь — почти невесомый, июньский, он тут же испарялся на лобовом стекле, оставляя лишь размытые разводы. Ольга прижалась лбом к стеклу и закрыла глаза.

Дорога на край света началась.

Глава 2

В аэропорту их ждал грузовой «Ил-76», переоборудованный под полярные перевозки. На взлётной полосе пахло керосином и разогретым асфальтом, вдалеке переливались огни терминала. Команда выгрузилась из автобуса и потянулась к трапу — кто-то зевал, кто-то на ходу допивал кофе из картонного стаканчика. Логунов нёс свой баул на плече и насвистывал что-то из репертуара группы «Кино». Иван Круглов тащил тяжёлый ящик с ледовыми бурами, громыхая на стыках плит. Игорь Данилов шёл последним, проверяя накладную.

Ольга поднялась по трапу и вошла в салон. Внутри пахло машинным маслом и нагретой обшивкой. Вдоль бортов крепились тюки со снаряжением, на полу лежали канистры, затянутые сеткой. Пассажирских мест было немного — откидные кресла вдоль стен, жёсткие, с нейлоновыми ремнями. Она заняла место у иллюминатора и пристегнулась.

Загудели двигатели. Самолёт дрогнул, покатился по полосе, разбежался и тяжело оторвался от земли. Петербург ушёл под крыло — сначала размытым пятном многоэтажек, потом зелёными квадратами полей и серебристой лентой Невы. Через двадцать минут внизу уже лежала облачная равнина, подсвеченная утренним солнцем, и Ольга вдруг подумала, что эти облака похожи на снежные поля, которые ждут её там, на другом конце маршрута.

Анатолий сидел через проход и смотрел в одну точку перед собой. За всё утро он не произнёс и десяти слов. Когда грузили оборудование в аэропорту, он взял самый тяжёлый ящик и понёс его молча, не прося помощи и не предлагая её другим. Ольга заметила, как он потирает правое запястье — видимо, старая травма, но спрашивать не стала.

— Первая посадка через шесть часов, — объявил Игорь, проходя по салону. — Аэродром в Анталии, дозаправка. Потом ещё шесть часов до Кейптауна. Там перекантуемся, пока будем ждать погодное окно. И последний бросок — на ледовый аэродром.

— А там Николаич? — спросил Гуревич, расстёгивая сумку с припасами.

— Там Николаич, — кивнул Игорь. — Он нас с Новолазаревской на станцию забросит. Час лёта, не больше.

Ольга закрыла глаза и откинулась на спинку кресла. Под монотонный гул двигателей она незаметно уснула.

Когда проснулась, за иллюминатором было ослепительное солнце и выжженные холмы Анталии. Самолёт заходил на посадку, внизу мелькали оранжевые черепичные крыши, пальмы и синяя полоска моря. Ольга размяла затёкшую шею и поймала взгляд Анатолия — он смотрел на неё, но тут же отвёл глаза.

В Анталии стояли час. Группа вышла на трап размять ноги. Воздух был сухим и горячим, пахло пылью и хвоей. Логунов потянулся и громко зевнул.

— Не понимаю, зачем нам вообще выходить в такую жару, — проворчал Юрий Завьялов. — Там будет минус семьдесят, а мы тут расслабляемся.

— Вот именно поэтому, — ответил Иван. — В последний раз. Ольга стояла у трапа и смотрела, как заправщик подгоняет шланг к крылу. Горячий ветер трепал её волосы. Где-то далеко, за Средиземным морем, Африкой и Южным океаном, лежал ледяной материк, и с каждым часом полёта он становился ближе.

Кейптаун встретил их зимой.

Ольга ожидала жары — в голове не укладывалось, что июнь в Южном полушарии это разгар холодного сезона. Но когда они вышли из самолёта, воздух оказался влажным и прохладным, градусов пятнадцать, с низкими серыми облаками, ползущими над Столовой горой. Пахло океаном, соляркой и мокрой травой. На газонах у терминала росли агавы.

— У них тут зима, — пояснил Игорь, заметив удивлённое лицо Ольги. — Июнь, июль, август — самые холодные месяцы. Пальмы, конечно, не мёрзнут, но купаться никто не лезет.

Группа разместилась в транзитной гостинице при аэропорту. Комнаты были тесные, с глухими окнами и шумом вентиляции. Ольга приняла душ — последний нормальный душ на полгода, — переоделась в мягкие штаны и толстовку и легла на кровать. За тонкой стеной Логунов с кем-то разговаривал по телефону, громко и с хохотом. Иван, кажется, читал. Анатолий молчал.

Наутро Леонид Петрович разложил ноутбук в общей комнате и принялся ловить метеосводки. Циклон над морем Уэдделла смещался к побережью. Окно было узким — меньше суток. Медлить не дали ни часа.

Снова погрузка, снова взлёт. Теперь уже на юг, над океаном.

Через четыре часа за иллюминаторами начала появляться корка льда. Сначала тонкая, как сахарная глазурь на тёмной воде, потом сплошная, с торосами и разломами. Айсберги проплывали внизу, как опрокинутые соборы, синевато-белые, с пещерными гротами в толще льда. Солнце висело низко, холодное и плоское. Ольга прилипла к иллюминатору и не отрывалась до самой посадки.

Самолёт сел на ледовый аэродром Новолазаревской жёстко, с глухим ударом лыж о слежавшийся фирн. Двигатели взревели на реверсе, подняв облако ледяной крошки. Когда пыль осела, Ольга увидела белую равнину, уходящую во все стороны до горизонта. Над равниной стояло бледно-голубое небо, а на юге небо темнело — оттуда, из глубины материка, надвигалась полярная ночь.

Дверь открылась, и в салон ворвался воздух Антарктиды.

Он был сухим, колючим, но до того чистым, что каждый вдох обжигал ноздри, как нашатырь, и отдавал ледяными иглами в груди. Ольга застегнула куртку до горла, натянула капюшон и шагнула на трап.

На взлётной полосе их ждал вертолёт «Ми-8» с облупившимся красным бортом. У винта стоял Николаич — коренастый, в промасленной ушанке и армейском пуховике, с лицом, выдубленным полярными ветрами до кирпичного оттенка. Дышал он паром.

— Группа Данилова? — спросил он хриплым голосом. — Грузитесь, погода портится. Через 2 часа окно закроется. Метель с юга идёт.

Загрузились быстро, без разговоров. Ящики укрепили в грузовом отсеке, люди расселись на откидных скамейках. Ольга оказалась зажатой между Иваном и Леонидом Марковичем. Вертолёт дрогнул, лопасти загудели, и машина оторвалась ото льда.

Внизу поплыла Антарктида — не та, что на картинках, не плоская белая пустыня, а живое, дышащее пространство. Ледяные поля расходились глубокими трещинами, горные хребты проступали из-под снега острыми гребнями. Снег переливался оттенками, которых Ольга раньше не различала: голубоватый в тени, розоватый на солнце, сине-серый там, где лёд уходил под воду. Ветер сдувал с гребней снежную пыль, и она струилась по поверхности, как белый дым. Где-то у побережья качнулся айсберг — огромный, с десятиэтажный дом.

Через сорок минут началась болтанка. Николаич что-то процедил в микрофон, и вертолёт пошёл ниже, прижимаясь ко льду. За бортом мелькали снежные вихри. Юрий Завьялов перегнулся к Ольге и прокричал сквозь шум винтов, что это фронт с побережья — ветер поднимается, но ничего, пилот опытный.

Ольга закрыла глаза и глубоко задышала, как учили на медподготовке. Рядом Дмитрий Ткачёв вцепился в поручень, побелев лицом. Логунов наклонился к нему и что-то прокричал, пытаясь подбодрить, но слов было не разобрать.

Когда вертолёт пошёл на посадку, Ольга открыла глаза.

Станция выросла из снега внезапно — прямоугольный модуль на сваях, врытых в лёд, с антеннами на крыше и ярким фонарём над входной дверью. Одинокий красный островок среди белого безмолвия. Снег вокруг станции был истоптан следами, у входа стояли две железные

бочки и ящик с аварийным снаряжением. Из трубы над кухней поднимался дым, и его тут же срывало ветром.

Вертолёт сел, подняв тучу снежной крошки. Винт замедлился, вой сменился свистом. Николаич заглушил двигатели и обернулся:

— Приехали. Вон, глядите — сменщики вас встречают.

Ольга ступила на лёд Антарктиды. Ноги провалились в снег по щиколотку, мороз сразу пробрался сквозь подошвы сапог. Впереди открывалась дверь станции, и навстречу им выходили люди — заросшие, уставшие, счастливые. Они махали руками и что-то кричали, но ветер срывал слова и уносил в ледяную равнину.

Глава 3

Их встречали четверо. Начальник предыдущей смены — сутулый мужчина с седой щетиной и красными от недосыпа глазами — вышел первым, протянул руку Игорю и представился:

— Комаров, Олег Борисович. Метеоролог, временно старший. Ждали вас. Вертолёт прилетел вовремя, это хорошо. Через час окно закроется, потом бы сутки сидели с вами.

За его спиной топтались остальные. Невысокий крепыш в замасленной куртке — инженер, назвался Павлом. Второй, с чёрной бородой и кружкой в руке, — радист Михаил. Третьим стоял врач уходящей смены, мужчина лет пятидесяти с обветренным лицом и спокойными, усталыми глазами. Он первым заметил Ольгу и чуть приподнял брови.

— Доктор? — спросил он.

— Врач общей практики, — ответила Ольга. — Белова Ольга Викторовна. Заменяю Иванова.

Врач кивнул, как будто не удивился.

— Борис Евгеньевич, — сказал он. — Ну, пойдёмте. Покажу вам медотсек, пока остальные грузятся.

Станция внутри оказалась теснее, чем Ольга представляла. Общий коридор, обитый металлическими панелями, — по обе стороны двери. Под потолком гудели лампы дневного света. Воздух был сухим и тёплым, пахло соляркой от дизельной, нагретым металлом и чем-то ещё — слабым, кисловатым запахом, какой бывает в долго закрытых помещениях.

— Тут всё просто, — говорил Борис Евгеньевич, шагая впереди. — Кухня справа, дальше общая спальня. Рабочий отсек слева, там же связь. Медотсек в конце коридора, самая дальняя дверь.

Он толкнул дверь и пропустил Ольгу вперёд.

Медицинский отсек был небольшим — примерно три на четыре метра. У стены стояла кушетка, застеленная чистым бельём. Рядом — штатив для капельниц, стеклянный шкаф с медикаментами, металлический стол с хирургическим набором в стерильном контейнере. На полке — аппарат ЭКГ, тонометр, упаковки бинтов и пластырей. Под потолком — лампа с регулируемым рефлектором. Пахло спиртом и хлоргексидином.

— Лекарства здесь, — Борис Евгеньевич открыл шкаф, провёл рукой по упаковкам. — Антибиотики широкого спектра, обезболивающие, противовоспалительные, средства от обморожений. Морфин под замком, ключ в верхнем ящике стола. Аппаратура исправна, я проверял. Хирургический набор стерильный, не вскрывали, слава богу.

Он обернулся к Ольге и вдруг усмехнулся.

— Вы первая женщина на этой станции. Знаете, что это значит?

— Что я буду спать в отдельной каморке, — ответила Ольга.

— Точно. — Он показал на узкий проход в углу медотсека. — Там койка, тумбочка и вешалка. Шторка вместо двери, но хоть какая-то приватность. Санузел общий, баня раз в неделю. Мужчины моются по субботам, вам дадут отдельный вечер.

Ольга заглянула в каморку. Крошечная комната — два шага в длину, полтора в ширину. У стены железная койка с двумя одеялами, рядом — тумбочка с настольной лампой. Над койкой — маленький иллюминатор, забранный герметичной задвижкой. Сейчас он был закрыт, но даже сквозь металл чувствовался холод.

— Не боитесь? — спросил Борис Евгеньевич, прислонившись к косяку.

Ольга поставила чемодан на койку и расстегнула молнию.

— Боюсь, — сказала она. — Но это ничего не меняет.

— Правильно, — кивнул врач. — Страх — это нормально. Ненормально, когда его нет. — Он помолчал и добавил: — У меня для вас подарок, Ольга Викторовна.

Он вышел и через минуту вернулся с потрёпанной тетрадью в кожаном переплёте.

— Это мой дневник. Записи за полгода. Фиксировал все случаи, с которыми сталкивался: обморожения, травмы, зубная боль, неврозы. Может, пригодится. Я оставлю здесь, на полке.

Ольга взяла тетрадь и провела ладонью по обложке.

— Спасибо, Борис Евгеньевич.

Тем временем в коридоре зашумели, загрохотали ящиками — команда заносила вещи. Предыдущая смена уже выносила свои баулы к выходу. Голоса смешивались: Логунов громко спрашивал, где у них тут баня, Иван уточнял про ледовые буры, Гуревич, повар, шёл на кухню с первой партией провизии и ворчал, что плиту надо бы проверить.

Ольга повесила куртку на вешалку и вышла в общий коридор.

Вертолёт ещё стоял на площадке, винты медленно вращались. Николаич курил у трапа, стряхивая пепел в снег. Предыдущая смена прощалась торопливо — обнимались, хлопали по плечам, желали удачи. Борис Евгеньевич пожал Ольге руку и сказал: «Станция хорошая, люди хорошие, вы справитесь». И зашагал к вертолёту.

Когда все погрузились, Николаич поднялся в кабину, и вертолёт загудел громче. Он оторвался от площадки, взметнув облако снежной пыли, на секунду завис над станцией, как бы прощаясь, и пошёл на север, к побережью. Через пять минут он превратился в чёрную точку на фоне серого неба, а ещё через минуту исчез совсем.

Ольга стояла у двери и смотрела ему вслед. Ветер трепал капюшон, забирался под куртку, кусал лицо. Вокруг станции, на сколько хватало глаз, лежала белая равнина. Тишина была такой глубокой, что звенело в ушах.

Игорь подошёл и встал рядом.

— Ну вот, — сказал он. — Теперь мы одни на полгода. Как ощущения?

Ольга вдохнула ледяной воздух. Он обжёг ноздри, пробежал холодом по горлу и наполнил грудь.

— Ощущение, что я дома, — ответила она.

Игорь усмехнулся и придержал дверь, пропуская её внутрь.

— Пойдёмте, Ольга Викторовна. Будем обживаться.

Они вошли внутрь. Дверь с глухим стуком закрылась за спиной, отрезая шум ветра. В коридоре пахло кухней — Гуревич уже разжёг плиту и ставил чайник. Мужчины разбредались по станции: кто-то разбирал вещи в общей спальне, кто-то проверял приборы в рабочем отсеке. Логунов с кем-то спорил, где вешать полку. Иван уже сидел с ноутбуком в углу и настраивал спутниковый канал.

Ольга прошла в медотсек, закрыла за собой дверь и на минуту остановилась. Положила ладони на металлический стол и выдохнула. Чемодан стоял на койке, неразобранный. Тетрадь Бориса Евгеньевича лежала на полке. За иллюминатором, если открыть задвижку, была Антарктида.

Она открыла задвижку. Стекло было ледяным. Снаружи, в сгущающихся сумерках, белела снежная равнина, и на юге, где небо уже наливалось чернильной темнотой, занималась полярная ночь.

Глава 4

Первые дни на станции слились для Ольги в один долгий, монотонный ритм. Она просыпалась в шесть утра по расписанию, завтракала со всеми на кухне, потом шла в медотсек — проверяла лекарства, пересчитывала ампулы, заново знакомилась с аппаратурой, которую знала только по инструкциям. Дверь в медотсек она не закрывала, чтобы слышать, если кто-то войдёт. Но никто не входил. Первые три дня команда разбирала оборудование, налаживала связь, тестировала дизельную. Травм не было.

За ужином Ольга садилась с краю, рядом с Иваном, и молча ела. Мужчины говорили о своём: метеосводки, давление в системе отопления, прогноз ветра на неделю. Логунов шутил, но уже без прежнего напора — видимо, понял, что Ольга на провокации не ведётся. Иван иногда спрашивал её о чём-нибудь нейтральном — как спалось, не мёрзнет ли в каморке, — и она отвечала коротко и спокойно. Гуревич подкладывал ей добавку и приговаривал, что доктору надо хорошо питаться. Дмитрий Ткачёв, молодой электрик, всегда кивал ей при встрече и отводил глаза. Леонид Петрович за столом почти не говорил — только слушал, помешивая чай, и иногда хмыкал в бороду. Юрий Завьялов сверял часы по спутнику и требовал, чтобы ужин начинался минута в минуту.

Анатолий сидел на другом конце стола и на Ольгу не смотрел.

На четвёртый день она решилась зайти в мужскую спальню. Формального повода не было — просто хотелось понять людей, с которыми предстояло прожить полгода бок о бок. Дверь была открыта. Ольга постучала по косяку и вошла.

Спальня оказалась большой комнатой с рядами коек вдоль стен. У каждой койки — тумбочка, над изголовьем — небольшой фанерный ящик для личных вещей. У дальней стены стоял общий шкаф с отсеками, на дверцах которого кто-то прикрутил зеркало. Пол был застелен старым ковром, вытертым до основы в центре. Пахло мужским телом, стираным бельём и слабым табачным дымом — видимо, курили в форточку, когда ветер позволял.

Иван сидел на своей койке и чинил крепление ледового бура, зажав деталь между колен. Увидев Ольгу, он улыбнулся и кивнул.

— Экскурсия? Проходите, Ольга Викторовна. У нас тут не Версаль, но жить можно.

Ольга шагнула внутрь и огляделась. Над койкой Ивана висели две фотографии: жена, светловолосая женщина с усталой улыбкой, и двое детей — девочка лет семи и мальчик помладше, оба в зимних куртках, на фоне заснеженного двора. Рядом с фотографиями, привалившись к подушке, сидел плюшевый пингвин с потёртым клювом и одной пуговицей вместо глаза.

— Дочь подарила, — сказал Иван, перехватив её взгляд. — Сказала: «Папа, ты едешь к пингвинам, пусть тебя там свой пингвин охраняет». Три года с ним уже езжу. В прошлые зимовки тоже брал.

Ольга провела пальцем по плюшевому крылу.

— Хороший пингвин. Боевой.

— Боевой, — согласился Иван. — Один глаз потерял при транспортировке, но держится.

Ольга прошла дальше. У койки Дмитрия Ткачёва на тумбочке стоял выцветший плюшевый заяц с длинными ушами. Одно ухо было надорвано и аккуратно зашито синей ниткой. Рядом лежала книжка в мягкой обложке — что-то про космос, с размытой фотографией галактики на обложке. Фотографий семьи не было.

Над койкой Логунова висел целый коллаж: открытки с видами Петербурга, снимок какой-то горной вершины, старая чёрно-белая карточка — пожилая пара на скамейке в парке. Игрушек не было, зато на тумбочке стояла гитара без одной струны, привалившись к стене.

У Леонида Петровича вместо фотографий была старая открытка с видом Ялты — пальмы, море, набережная, выцветшая от времени. Он лежал на койке в наушниках и слушал эфир, прикрыв глаза. Ольга прошла мимо, стараясь не шуметь.

Койка Анатолия стояла в дальнем углу, у стены. Над изголовьем — ничего. Ни фотографий, ни открыток, ни игрушек. Только маленькая алюминиевая пластинка, прикрученная к стене шурупом, — с выгравированным именем и датой прошлой зимовки. На тумбочке — походная фляга в чехле, механические часы на ремешке и потрёпанный томик в сером переплёте без названия. Ольга не стала подходить ближе.

Вечером того же дня случилась первая стычка.

Ольга мыла чашку в кухонной раковине. Мужчины уже разошлись — кто в спальню, кто в рабочий отсек. На кухне оставался только Гуревич, который гремел кастрюлями, и Анатолий, который вошёл налить чай и остановился за её спиной.

— Осваиваетесь, доктор? — спросил он. Голос у него был низкий, с хрипотцой.

— Осваиваюсь, — ответила Ольга, не оборачиваясь.

— Зря. Не ваше это дело. Тут не поликлиника, тут выживать надо. А вы кто? Врач общей практики. Что вы сделаете, если у человека откажет сердце в полярную ночь? У вас даже реаниматолога в помощь нет.

Ольга выключила воду, поставила чашку на сушилку и повернулась к нему.

— У меня есть протокол, Анатолий Дмитриевич. Есть оборудование. Есть допуск. А если вас интересует конкретно, то я проходила курс неотложной кардиологии и два года работала в приёмном отделении. Сердечную недостаточность я купирую.

Он смотрел на неё в упор. Глаза у него были серые, холодные, с тяжёлыми веками.

— Допуск, — повторил он. — Не более, чем бумажка. Я восемь зимовок прошёл. Видел, как мужики ломаются. А тут женщина.

— Я не мужик, — сказала Ольга. — Но я здесь. Так что привыкайте.

Анатолий взял кружку с полки, налил кипяток, бросил пакетик чая и вышел, не сказав больше ни слова. Гуревич, стоявший у плиты, хмыкнул и покачал головой.

— Вы на него не обижайтесь, Ольга Викторовна, — сказал он негромко. — Толик — он такой. Он всех новых так проверяет. Просто вы первая женщина, вот он и взбесился.

— Я не обижаюсь, — ответила Ольга. — Я работаю.

Гуревич размешал что-то в кастрюле и добавил:

— Знаете, что он сказал, когда узнал, что с нами докторша летит? «Если что-то пойдёт не так, она не справится». А я так думаю: справитесь! Вы упрямая. Это хорошо.

Ольга взяла полотенце и вытерла руки.

— Спасибо, Семён Маркович. Спокойной ночи.

Она прошла в медотсек, закрыла дверь и опустилась на койку. Достала тетрадь в кожаном переплёте — ту самую, что оставил Борис Евгеньевич, — и открыла первую страницу. На ней было написано: «Если ты это читаешь, значит, ты здесь. Дыши глубже. Первые две недели самые трудные. Потом привыкаешь. Ко всему привыкаешь».

Ольга взяла ручку и ниже, под этими строками, вывела: «День четвёртый. Анатолий назвал меня бесполезной. Пациентов пока нет. За иллюминатором минус шестьдесят восемь. Я дома».

Она закрыла тетрадь, выключила лампу и легла. За стеной гудела дизельная. Вентиляция тихо посвистывала под потолком. Ольга закрыла глаза и провалилась в сон без сновидений, в котором не было ни холода, ни темноты — только бесконечный белый свет.

Глава 5

Пятый день начался с первого пациента.

В дверь медотсека постучали рано, ещё до завтрака. Ольга уже встала, умылась ледяной водой из-под крана и теперь заправляла койку. Она одёрнула шторку, накинула халат поверх термобелья и открыла. На пороге стоял Логунов. Правая рука у него была замотана грязным носовым платком, и с платка на пол капало.

— Сергей Павлович, — сказала Ольга, отступая в сторону. — Что случилось?

— Да ерунда, — отмахнулся Логунов. — Буром задел. Лёд кернили, а он возьми и тресни не туда. Осколком по руке и прилетело. Я думал, царапина, а оно вон как.

Ольга усадила его на кушетку, включила лампу и размотала платок. Порез шёл через всю ладонь — длинный, но неглубокий, края ровные. Кровь уже начала сворачиваться. Ольга промыла рану хлоргексидином, наложила четыре шва и заклеила пластырем. Логунов сидел смирно, только морщился, когда игла входила под кожу, и насвистывал сквозь зубы «Группу крови».

— Готово, — сказала Ольга. — Два дня не мочить. Через пять дней сниму швы. И перчатки надевайте, когда с буром работаете.

— Перчатки, — повторил Логунов, разглядывая аккуратный шов. — Слушайте, а вы ловко управились. Я думал, будет больнее. — Он поднялся и вдруг подмигнул. — А вы, Ольга Викторовна, наш человек. Если что - я за вас.

Она не успела ответить. Логунов уже вышел, и в коридоре загремел его голос: «Мужики, у нас докторша - зверь. Четыре шва наложила, а я даже не пикнул!»

Ольга убрала инструменты в автоклав и улыбнулась.

К вечеру шестого дня станция окончательно погрузилась в полярную ночь.

Солнце ушло за горизонт не сразу — сначала оно висело над ледяной равниной низким красным диском, потом превратилось в полоску света, а потом исчезло совсем. Остался только сумрак — синевато-серый, густой, какой бывает перед самой глубокой темнотой. А потом и он сменился чернотой.

Ольга стояла у иллюминатора в медотсеке и смотрела, как снаружи сгущается тьма. Звёзды здесь были не такими, как в Петербурге, — яркими, колючими, будто их проткнули иглой в чёрном бархате. Их было так много, что небо казалось белым от звёздного света. Ветра не было, и тишина стояла такая, что Ольга слышала собственное сердцебиение.

— Красиво, правда? — раздался голос за спиной.

Она обернулась. В дверях стоял Игорь, в расстёгнутой флисовой куртке, с термосом в руке. Он подошёл к иллюминатору и встал рядом.

— Южное небо. Магеллановы облака видите? Вон там, левее. Два пятна, как молоко разлитое. Их только из Южного полушария видно.

Ольга всмотрелась. Среди россыпи звёзд действительно висели два белёсых облака — неподвижные, чуть светящиеся изнутри.

— Я читала о них в детстве, — сказала она. — В книжке про Антарктиду. На картинке они были нарисованы фиолетовым, а на самом деле они белые.

— Они всегда белые, — улыбнулся Игорь. — Это галактики-спутники Млечного Пути. Между прочим, сто шестьдесят тысяч световых лет. Свет, который вы сейчас видите, вышел оттуда, когда человека ещё не существовало.

Ольга долго смотрела на Магеллановы облака, и где-то глубоко внутри неё разливалось чувство, похожее на детский восторг пополам с покоем.

На восьмой день заболел Гуревич.

Вернее, заболел у него зуб.

Он пришёл на завтрак бледный, с перекошенным лицом, и вместо обычной яичницы выпил только чай. Потом ещё чай, и ещё. К обеду он уже не мог говорить — сидел на кухне, прижимая ладонь к щеке, и смотрел в стену.

Ольга нашла его там и привела в медотсек. Усадила на кушетку, включила лампу, попросила открыть рот. Гуревич подчинился с видом мученика, которого ведут на костёр.

— Шестёрка нижняя, — сказала Ольга, заглядывая ему в рот. — Под пломбой воспаление. Пульпит. Пломба, говорите, идеальная?

— Идеальная… — простонал Гуревич. — Три года назад ставил, в платной клинике. Мне обещали пожизненную гарантию.

— Значит, гарантия кончилась. Зуб надо вскрывать, чистить канал, ставить временную пломбу. По-хорошему — к стоматологу, но стоматолога у нас нет. Есть я.

Гуревич сглотнул.

— Ольга Викторовна, а вы умеете?

— Умею, но будет больно.

— Больно - это ничего. Больно - это мы переживём. Вы главное сделайте, а то я так пол года не протяну.

Ольга выложила инструменты. Боров, шприц с анестезией, пульпоэкстрактор, тонкие металлические стержни в стерильном контейнере. Зубоврачебного кресла не было, бормашины тоже — только ручной набор. Она обработала руки, надела перчатки, сделала укол в десну и стала ждать, когда подействует анестезия. Гуревич сидел с открытым ртом и часто моргал. От его щеки пахло новокаином.

— Начали, — сказала Ольга, беря боров.

Она работала сорок минут. Вскрыла эмаль, добралась до пульпы, удалила воспалённый нерв, прочистила канал тонкой иглой. Руки у неё были спокойные и точные — сказывались годы практики в приёмном отделении, где приходилось делать всё и сразу. Гуревич несколько раз глухо мычал, но терпел. Один раз всхлипнул. Ольга остановилась, дала ему отдышаться и продолжила.

Когда она, наконец, заложила в канал лекарство и закрыла зуб временной пломбой, Гуревич сидел с закрытыми глазами, по его вискам текли струйки пота, но лицо уже разгладилось. Боль ушла.

— Всё, — сказала Ольга, снимая перчатки. — Постоянную пломбу поставите в Петербурге. А пока — два дня ничего не жевать на эту сторону. Полоскать хлоргексидином.

Гуревич открыл глаза, потрогал щёку кончиками пальцев и вдруг расплылся в улыбке, насколько позволяла замороженная челюсть.

— Ольга Викторовна, — произнёс он с чувством, — вы святая. Честное слово. Я думал, подохну тут. А вы — раз, и готово.

— Раз и готово — это сорок минут, — улыбнулась Ольга. — Идите, Семён Маркович. Отдыхайте.

Гуревич поднялся, сделал шаг к двери, обернулся и сказал:

— Это дело надо отметить!

К вечеру он уже стоял у плиты — с чуть припухшей щекой, но в прекрасном настроении — и гремел кастрюлями. Новость о вылеченном зубе облетела станцию за час. Мужчины подходили к Ольге, хлопали по плечу, говорили, что теперь у них не докторша, а настоящий полевой хирург. Логунов предложил тост за её руки. Юрий Завьялов даже отступил от графика и разрешил устроить банкет.

Банкет назначили на десятый день.

Ольга вызвалась испечь хворост. Тесто она замесила ещё с вечера — мука, яйца, соль, немного сахара, — а утром раскатала его тонкими листами и нарезала ромбами. В кастрюле на плите кипело масло. Ольга опускала в него полоски теста, и они с шипением раздувались, ста-

новились золотистыми, хрустящими. Запах стоял такой, что мужчины заглядывали на кухню по одному, принюхивались и одобрительно кивали. Гуревич колдовал над основным блюдом — тушёной говядиной с консервированными овощами. Иван нарезал хлеб. Логунов притащил из кладовой банку солёных огурцов, которую берёг с самой отправки, и торжественно водрузил её на стол.

Стол накрыли вскладчину. Сдвинули вместе два рабочих стола, застелили чистой простынёй, расставили тарелки. Леонид Петрович достал откуда-то гирлянду на батарейках и развесил её над обеденной зоной — жёлтые огоньки замигали, отражаясь в тёмном иллюминаторе. Дмитрий Ткачёв принёс колонку, подключил телефон, и из динамиков полилось что-то гитарное, негромкое.

Вечер удался. Ели тушёную говядину, хрустели огурцами, смеялись. Логунов взял гитару, пристроил недостающую струну из лески и затянул хрипловатым голосом «Над Канадой небо сине». Иван подтянул, Дмитрий тихонько отбивал ритм ладонью по столу. Ольга сидела между Игорем и Леонидом Марковичем, пила чай из железной кружки и чувствовала, как внутри разливается тепло — не от чая, а от того, что она, кажется, наконец, стала частью чего-то.

Когда внесли хворост, мужчины зааплодировали. Печенье было рассыпчатое, хрустящее, посыпанное сахарной пудрой. Гуревич попробовал первым, закатил глаза и объявил, что это лучшее, что он ел за последние десять лет. Иван взял добавку. Юрий Завьялов, который до этого почти не участвовал в веселье, съел три печенья подряд и молча кивнул Ольге.

Анатолий сидел на дальнем конце стола. Весь вечер он молчал, пил чай и смотрел на огоньки гирлянды. Ольга пару раз ловила на себе его взгляд — тяжёлый, исподлобья, но он тут же отводил глаза. Когда она подошла к столу с блюдом хвороста, он взял одно печенье, повертел в пальцах и положил обратно.

— Место бабы у печки, — сказал он негромко, но так, что за столом на секунду стало тихо. — Вот где вам надо быть, доктор. А не в Антарктиде.

Ольга поставила блюдо на стол и посмотрела на него ровным взглядом.

— Я там и была, — ответила она. — Готовила вам печенье. А завтра буду снова лечить. Вы что-то имеете против, Анатолий Дмитриевич?

Он ничего не ответил. Поднялся, взял кружку и вышел из кухни. Логунов хмыкнул, Иван покачал головой. Игорь хотел было что-то сказать, но Ольга остановила его жестом.

— Не надо, — сказала она. — Всё нормально.

И потянулась за чайником.

Вечер продолжился. Гирлянда мигала, гитара снова запела, и за иллюминатором, в кромешной тьме полярной ночи, медленно вращались Магеллановы облака. Ветер с юга начинал крепчать, и станция отвечала ему низким, утробным гулом, как большой корабль, идущий сквозь шторм.

Глава 6

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.